

ИРОНИЧЕСКИЕ МЕМУАРЫ



Алексей Миронов

■ кризис среднего возраста

Москва
2020

16+

16+

Алексей Анатольевич Миронов

Кризис среднего возраста

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51851185

SelfPub; 2020

Аннотация

Книга иронических мемуаров «Кризис среднего возраста» – это попытка заглянуть в свое прошлое, осознать окружающий мир во всех его проявлениях. Кажущаяся хаотичность тем, многообразие жанров, в которых написаны повести и рассказы, автор объясняет капризным характером своей Музы. Которая, может появиться совершенно неожиданно, например в вагоне метро или троллейбуса, разбудить среди ночи и посадить за рабочий стол, даря вдохновение и многообразие сюжетов, или пропасть на долгое время, обрекая на немоту.

Содержание

кризис среднего возраста	5
уроки немецкого	22
не опоздай на дуэль!	28
чертова метка	50
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Автор выражает благодарность:

Александру Трифонову, Никите Митрохину, Ольге Феду-
НОВОЙ,

Ирен Фортуну, Олегу Чувакину

Редакторы: Дарья Карпова, Ольга Добрицина, Олег Чува-
КИН

Дизайнер: Александр Трифонов

кризис среднего возраста



Они привезли его на мост, перекинутый через подмосковную речушку. Двое бандитов держали жертву за руки, сдавливая с двух сторон крепкими телами, а третий, Пахан, с пропитой физиономией, с побуревшими от чифиря зубами

и прокуренной одеждой, одной рукой приобнял несчастного за шею, а другой приблизил к его глазу шило. Шило было вставлено в полосатую наборную ручку, изготовленную на «зоне».

Вацлав почувствовал, как остриё царапает веко. Он сглотнуть даже боялся.

– Жить-то небось хочешь, пся крев? – спросил бандит.

Вацлав, преуспевающий польский бизнесмен, который не успел состариться (было ему сорок три), до сих пор думал, что он ухватил господа бога за бороду. И где? На территории сгнувшейся советской империи, которая умерла у него на глазах! Именно распад бывшего крепкого государства и дал Вацлаву возможность делать легкие гешефты. Тотальный дефицит в бывшей Стране Советов, запустившей рыночную экономику, но ещё не насытившейся товарами и услугами, оказался дорогой в коммерческий рай для Вацлава. Деньги лились рекой, одна фура из Польши следовала в эти края за другой. И даже само расстояние казалось божественным символом: ряд цифр по порядку – 1234 километра! Фуры прибывали в подмосковный таможенный терминал, где их радостно встречали прикормленные российским таможенники.

В новую Россию поляк гнал в основном не польские товары. Из фур выгружался дешевый китайский ширпотреб: пуховики, зонтики, сумки, подделки под известные бренды, кока-кола, фальшивый коньяк «Наполеон», приторные ли-

керы «Амаретто» якобы из Италии. Реже попадались товары из родной Польши: алкоголь и американские сигареты, сделанные в гаражном кооперативе на окраине Варшавы.

«Эти дикари, – говорил себе Вацлав, – все разберут, что им ни привези! Они умеют клепать только танки да ракеты!»

Бывало, он, смеясь, спорил с собой: «Вру, конечно, вру!

Я ж сам вывожу от них советские телевизоры на импортных радиодеталях, холодильники, стиральные машины! Правда, русские сделали их на итальянском оборудовании. Потому и спрос на них имеется. И где? В странах бывшего соцлагеря!»

– Ты что, блин, совсем оглох, сучара?

– А?..

Подняв за локти, его несколько раз встряхнули. Преуспевающий бизнесмен!.. Вацлав внезапно осознал весь ужас своего положения. Его затрясло, словно от тропической лихорадки, хотя тропиками в марте на Руси и не пахло. Голова вдруг закружилась, тело, как бы лишившись скелета, обмякло. И только острая боль в глазу остановила падение.

– Я всё подпишу! Не убивайте!

Бандит ухмыльнулся. Убрал шило.

– Тогда подписывай, братан. И иди гуляй к своим соскам. Пока жена за тобой из Варшавы не приехала!

Человек с бурыми зубами щелкнул пальцами. Из черной «Волги», стоявшей у мостика, выскочил человечек без возраста и особых примет. На голове его поблескивали под

солнцем залысины, в руках он держал кожаную папочку. Топая до мостика, он успел открыть папку, достать дарственную и вынуть из кармана печать. И вот уже он протягивает Вацлаву перьевую ручку.

– Что застыл, как в кино, братуха? Поставь подпись! И ты свободен!

Бандит снова вдавил шило в верхнее веко левого глаза польского бизнесмена. Набухая капельками, кровь тоненькой струйкой засочилась из-под шила. Боль была нестерпимая. Прежде чем грохнуться в обморок, Вацлав поставил кровавую подпись на документе, ради которого его и притащили на мост. Стоявшие по бокам бандиты по кивку главного разжали руки. Обмякшее тело польского бизнесмена (теперь, впрочем, бывшего) осело и повалилось. Голова дельца с глухим стуком ударилась о деревянный настил.

– Может, скинем барыгу в реку? – спросил тот бандит, что был пониже ростом. Глаза его походили на пуговики, а глядел он заискивающе. Словом, типичная «шестерка».

– Что-о?.. Малой, ты охренел? Нам еще «мокрухи» не хватало! У нас товару на три лимона зелени! Нам надо думать, как его пристроить и как не продешевить. А ты – скинем! Пусть сам падает, если хочет!

Захохотав, компания двинулась к огромной фуре. Серебристый красавец «MAN» стоял на опушке леса, сверкая под русским солнышком хромированными немецкими деталями.

– А с водилой что делать будем? – спросил низкий. – Давай хоть его прикончим?

– Никаких «прикончим»! – отрезал главный. – Фирма теперь наша. И водила будет работать на нас! Ну сам прикинь: ему какая разница, на какого дядю работать – на польского или русского? Главное, чтобы этот дядя деньги платил исправно.

Бандит не врал. Еще вчера на сходняке решили водилу не мочить, а через него наладить связь с польской «братвой» и обеспечить бесперебойную поставку в Россию «антрацита». Так на фене называли кокаин.

– Вацлав, пся крев, волчара позорный, не захотел делиться, вот тепер пусть ищет три лимона зелени, чтобы за товар расплатиться!

– Ну ты даешь, Пахан, прямо стихами заговорил, как Пушкин! – Малой с восхищением посмотрел на пожилого бандита.

Пахан достал «котлету» из стодолларовых купюр, завернутую в «Вечерку» и стянутую крест-накрест пеньковой веревкой, которой огородники обычно подвязывают помидорную поросль, не набравшую силу. Разложив сей денежный бутерброд на капоте «Волги», он аккуратно развязал веревку и не спеша пересчитал деньги, листая купюры обслюнявленными пальцами.

– Поляк сказал, что за каждую поездку он платил водиле три штуки баксов.

Пахан отсчитал тридцать зелененьких и протянул их молодому бандиту. Потом выдал ключик от наручников.

– На, Малой, отнеси водиле подарочек. А то парень, поди, совсем заскучал там в кабине! Да сперва отстегни его от руля. Скажи, подфартило ему сегодня. Живой остался, и денег панночке своей привезет!..

Очнувшись, Вацлав потрогал лоб. Голова гудела. На лбу он нащупал здоровенную шишку. Ударился, когда упал... Он приняхался. Откуда так несёт? От его брюк! Мокрые, воняют мочой. Ничего... Теперь, кажется, можно не бояться... Он живой! Страх смерти, липкой рукой державший его за горло, отступил.

Неужели это и вправду с ним случилось?

Случилось. Из-за нее.

«Сделала» его все-таки эта нимфетка, Лолита. И ведь как ловко все провернула, тварь!

Вацлав застучал Лолиту после душа. Неожиданно, даже не вытеревшись, он бросился в гостиную и застал малолетку за изучением документов на письменном столе. Девчонка вообще не пыль протирала! И зачиталась, конечно, не случайно. Факсы с копиями путевых листов, объемы поставок и прочая рабочая документация. И что с того, что на польском? Русские названия пропускных пунктов и городов следования, набранные латиницей, понять нетрудно. Знание польского для этого не требуется. Но главное даже не это. Самое важное – связи, которые Вацлав потихоньку, год за го-

дом формировал, работая в Москве представителем советско-польской фирмы «Энерго-Поланд». Двадцать лет работал, с самой молодости! Эти-то связи и позволили ему позднее находиться в тени и избегать бандитских «наездов» и рэкета.

А он, дурак, думал: куда же запропастился его «волшебный блокнотик» с черной бухгалтерией? Ясно: Пшемислав, его заместитель, которого он уволил за бесконечные приписки и воровство бензина три месяца назад, сумел подобрать отмычку к тайнам босса. Имя отмычки – Лолита. Малолетка!

Знал Пшемислав его слабость – тягу к малолеткам. И не прогадал!

Кризис среднего возраста, господя! Вот что превращает зрелого мужчину в перезрелый тюфяк, у которого в башке солома.

В России экономический кризис и бандитский «рынок», а у Вацлава – личный кризис среднего возраста.

Кризис этот грянул не вчера.

Три года назад Вацлав почувствовал в себе перемену. Этакую биологическую и одновременно социальную. Потянуло его на малолетних красоток. Нет, не только на них. Заодно потянуло на элитарный алкоголь и табачок. Иногда Вацлаву казалось, что от него тянет стариковским тленом. Бр-р! Одновременно он потерял интерес ко всему, что происходило вокруг. Вот так-то и проморгал опасную ситуацию.

С чего-то он посчитал, что гешефт с фурами будет вечен, и ему останется только стричь купоны да заносить циферки в блокнотик. Да разве это работа? И чтобы вообще о ней забыть, он, вняв совету малолетки, принял в фирму вместо уволенного Пшемислава дружка Лолиты. Родом не из Польши, а из России. Молодого человека с чертами кавказского уроженца. Про него он знал немного: звали его Георгием, коротко Гогой, он «окончил» Закавказский университет с липовым дипломом юриста. Интересно, что первый месяц работы этого самого Георгия оказался самым прибыльным для Вацлава. После такой коммерческой удачи Вацлав забыл о контроле и полностью доверился Георгию, передав в его руки денежные потоки, а сам окунулся в удовольствия. И вот она, расплата. Мост, бандиты, дарственная... И в удовольствия окунутся другие!

Схема его бизнеса была до безобразия проста. То был «левый» гешефт. Он якобы поставлял оборудование для подмосковных электроподстанций, а на самом деле возил китайское барахло, польскую водку и сигареты. На машинах с логотипом крупной государственной конторы!

Даже в том бардаке, который в России начался после распада советской империи, бандиты старались не трогать государственные машины. Милиция деградировала, по инерции все же продолжала бороться с криминалом и ловить нарушителей. Тюрьмы не пустовали.

Эх!

Встав на четвереньки, Вацлав подполз к перилам. Руки тряслись, как у запойного алкаша, нахрюкавшегося картофельной водки. Ухватившись за шершавые доски перил, поляк выпрямился. Ноги тоже дрожали. Всё тело ослабело.

Его пиджак бандиты бросили тут же, на мосту. В портмоне сохранились документы. Даже деньги на месте. И пейджер тоже.

Под подкладкой пиджака Вацлав нащупал заначку, которую зашил на черный день. Это русские так говорят: черный день. По-польски, в сущности, то же самое: *czarny dzień*?

Надев пиджак, он вытер пот со лба. Шишка болела. В нос гостю земли русской проник запах хлева и подтаявших навозных куч. Дух этот принес из поселка ветерок. Только сейчас Вацлав осознал: наступила весна. Март!

От раздавшегося карканья ворон, сорвавшихся с веток деревьев, поляк вздрогнул.

Добравшись до пригорка, он сел прямо на подсохшую, прогретую солнышком землю. Из кармана вытащил мятую пачку «Кэмел». Дрожащими руками достал сигарету. И с наслаждением человека, вернувшегося с того света, закурил.

Подумать только! Какие кульбиты выделывает жизнь на сцене! Только вчера он был на коне, собирался купить вторую квартиру – не в России, конечно, а в центре Варшавы. И не для себя, а для своей дочери, красавицы Агнешки.

Та недавно выскочила замуж за молодого бизнесмена. Тоже преуспевающего, между прочим...

О мечтах этих варшавских лучше забыть.

Перевести деньги фирмы на его счета в Варшаве ему уже не дадут. Переложить же «левую» наличку из офисного сейфа в секретный сейф в его московской квартире, которую он превратил в бордель, он так и не собрался. А теперь и собираться нечего.

Удивительное дело! Сидел человек на миллионах – и вдруг свалился в нищету. Законную супругу порадовать нечем – все на чужих бабах прокутил. Лежа на бабах, остался на бабах!

Вацлав трескуче засмеялся. Он сочинил русский афоризм!

Что делать? О еще, одно русское выражение! Знаменитый русский вопрос! Впрочем, в его ситуации русские как раз быстро сообразили, что делать.

Нужно срочно решить, как выгодно продать или обменять его с Татьяной квартиру в центре Варшавы. И купить что-нибудь подешевле за городом.

Всё, что от такой сделки останется, они пустят на жизнь. Надо что-то начинать с нуля. Он будет работать как вол, у него же диплом юриста, в конце-то концов. Правда, практических навыков не имеется...

Подойдя к фуре, Малой ловко запрыгнул на подножку.

Водила, прикованный к рулю большегруза, спал, уронив голову на баранку. В уголке губ засохла слюна. Раздававшийся храп говорил не только об усталости, но и о крепкой нервной системе польского дальнобойщика. Бандит потряс водилу за плечо.

– Пан, пан, просыпайся! Я тебе подарочек принес. Вот и ключик у меня...

Щёлк! Он расстегнул наручники.

Встрепенувшись от неожиданности, водила, выпучив глаза, оттолкнул бандита и попытался выскочить из кабины.

Малой, однако, подобное предвидел. И, хоть ростом был мал, силой обделен не был. Двумя руками он нанес точно рассчитанный удар по затылку, а потом затолкал охнувшего шофера на сиденье.

– Пан, пан, ты не бойся! Мы теперь, как это по-вашему... компаньоны! То есть ты работаешь на нас: фирма-то наша. Сечешь? Вот и зарплата тебе.

И бандит выложил на «торпеду» зеленые банкноты.

– Видишь, всё чин чинарём. Тебя как звать-то?

– Михал...

– Слышь, Михал, ты нас не бойся. Мы дружить хотим. С польской братвой. К тебе разговор есть у старшого, Паханом его кличут. Ты бабло-то бери, бери, мы тебя не тронем. Бизнес делать будем, кумекаешь?

Страх во взгляде Михала, потиравшего затекшие руки, то вспыхивал, то гас. Он все еще не верил, что его оставили в

живых.

– Михалыч, ты нам живым нужен. Пойми! У тебя наш товар, его по точкам развезти надо. Забирай бабло, разговор есть.

Вдруг, откуда ни возьмись, на пассажирском месте появился Пахан. Усевшись рядом с Михалом, он сгреб доллары с «торпеды». И перетасовал их – как карты!

– Малой, верни-ка бумажку, не крысятничай. Мы с Михалом играем честно.

Стодолларовая купюра возникла словно из воздуха. Описав дугу, бумажка легла на «торпеду».

– Погуляй пока, понюхай воздух. Глянь, нет ли кого из местных поблизости. Нам свидетели не нужны.

– Понял.

Малой мягко, по-лисьи, выскользнул из кабины и затрусил в сторону мосточка. Как раз туда, где, сидя на пригорке, пригорюнился Вацлав.

«Польский терпила думал, что так просто от нас отделался! – Бандит усмехнулся своим мыслям. – Нет, лошара варшавская, я с тебя еще дань не получил!»

От удара в висок Вацлав повалился замертво. Бандит выпотрошил портмоне, прошупал пиджак, отыскал зашитую заначку. Распорол финкой подкладку. Вытянул длинный пояс, поделенный на карманчики, в каждом из которых хранилось по три сотенных. Присвистнул.

– Хороший улов! А мог бы упустить добычу!

Оглянувшись и поразмыслив, он подхватил Вацлава за плечи и потащил к краю мосточка.

– Тяжелый, терпила, а с виду не скажешь!

Дотасив поляка до середины мостика, бандит ногой, буд-то бревно, стал подталкивать человека к краю.

Неумело перекрестившись, он столкнул наконец поляка в реку.

Подточенный весной лед треснул, брызнул осколками. Тело Вацлава ушло в реку.

Было здесь неглубоко; вода скрыла тело по грудь. Одежда вздулась пузырями. На поверхности остались рука, плечи и голова. Вокруг головы плавал битый лед.

Нет, Вацлав не умер. Ни от удара в висок, ни от падения с моста.

Ледяная вода вернула ему сознание.

Но не силы.

Вспомнилось ему первое свидание в Москве.

Он вспомнил себя, молодого специалиста, окончившего с отличием Варшавский университет. В Москву он попал, между прочим, по распределению. Тогда тоже стояла весна, только поздняя. Май. Город утопал в цветущей сирени. От сладкого запаха кружилась голова – вот почти как сейчас. А еще очень хотелось влюбиться. И стрела Амура не заставила себя ждать.

В головном офисе советско-польского предприятия, рас-

положенного на проспекте Калинина, словно по хотению-желанию, обнаружилась девушка. Секретарша начальника, брюнетка Татьяна, стриженная под Варлей. Так говорили в те годы. (Вообще-то, такая стрижка называлась просто каре.) Кинокомедия Гайдая «Кавказская пленница и другие приключения Шурика», прогремевшая на весь Советский Союз, на десятилетия вперед сделала Наталью Варлей женским идеалом в глазах советских мужчин. На Западе в ту эпоху мужчины сходили с ума от блондинки Мэрилин Монро, а русский «ответ Чемберлену» выражался в жгучей брюнетке с валлийской фамилией Варлей.

Он и Татьяна гуляли по ночной столице, по ярко освещенным набережным Москвы-реки, одетым в гранит. Прохладный ветерок обдувал их лица. А если загуливались допоздна, то поливальные машины норовили устроить им настоящий холодный душ. Долгое время, заметив очередную поливалку, они отбегали в сторону. Однажды, заболтавшись, были облиты с головы до пят. Но несколько не огорчились! Прилипшая к коже одежда, маленькие ручейки, стекавшие по спинам, привели их в дикий восторг. И они больше не прятались, а бежали поливалкам навстречу, держа в руках промокшую обувь. Вацлав и Татьяна подставляли себя под водяной веер из тепловатой, отдающей пылью воды.

Тогда он и стал счастливым человеком. Черные глаза любимой девушки захватили в плен его сердце, его разум, его тело. Ее губы вдруг оказались совсем рядом, ее запах, этот

удивительный букет, смесь свежей зелени, белого пиона и жасмина, свел его с ума.

Но даже в такой момент он не потерял чутья коммерсанта. Чей это парфюм? Неужели французский?

Как бы прочитав его мысли, Татьяна ответила:

– Нет, дорогой Вацлав, это духи «Признание» фабрики «Новая заря»!

Много позже, уже став его законной женой, она часто отвечала на вопросы, которые только возникли в его сознании и не облеклись еще в слова. Такие ответы без вопросов приводили его в трепет, он считал Татьяну колдуньей. Что, впрочем, было недалеко от истины. В какой-то далекой ветви ее рода по материнской линии прапрабабка была ведуньей. Вся деревня на границе Белоруссии и Польши ходила к ней за отварами от различных хворей, а взамен бабке приносили овощи и мясо.

Насквозь промокшая белая блузка облегла маленькие и острые Татьянины груди, соблазнительно видневшиеся из-под расстегнутой верхней пуговицы. В каком-то тумане, смешавшемся из воды и любви, двое дошли до квартиры на Старом Арбате – там в те годы жил Вацлав. И утонули в объятиях... И хорошо, что следующий день был выходным: они умудрились проспать до полудня.

Он хорошо помнил то позднее утро.

Татьяна лежала на боку, прижимаясь к Вацлаву всем телом. Ее голова покоилась у него на груди. Она считала уда-

ры его сердца, а он боялся шелохнуться – столько нежности и любви обрушилось на него. Потом они долго ласкали друг друга под струями воды в ванне. Вацлаву представлялось, что он танцует вальс со своей любимой, улетая куда-то ввысь, и там, среди облаков, пара продолжает кружиться под музыку...

Чьи-то руки выключили музыку. Пальцы вцепились в плечи. Кто это? Кто тащит его с неба?

– Слышь, Григорьевна, я подхожу сюда, к мосточку-то, воды набрать, а там мужчина в воде! Городской – видно по одежке. Напился да свалился. Дачник, наверное!

– Да ты что, Ивановна! Какие сейчас дачи? Холодно еще. Надо бы «скорую» вызвать, а то окочурится бродяга!

– Так я скотника Николая уже попросила – позвонит из сельсовета.

– Побыстрее бы приехали, не то замерзнет товарищ! Не лето на дворе!

Колхозница нагнулась над Вацлавом, приложила ладонь ко лбу.

– Теплый, слава тебе, господи! Ишь как господь его любит. И нас послал, чтобы помереть не дали.

Она снова нагнулась над несостоявшимся утопленником. Теперь потрогала его за нос.

– Нос тоже теплый. Жить будет!

И тут Вацлав открыл глаза.

– Татьяна?.. Значит, я дома, в Варшаве? Минуточку... Почему Таня такая старая? Может, это моя теща? Танина мама?

– Пани Радкевич, это вы?

– Я, я! – Женщина смочила платок водой и приложила к его губам. – Полежи, милый, скоро машина за тобой приедет.

уроки немецкого



Май выдался жарким, и двое сорокалетних мужчин кури-

ли в майках, стоя у открытого окна.

– Мамочка, а что у дяди Гриши со спиной?

Десятилетний Алёша с любопытством разглядывал изуродованную спину гостя.

– А его фашисты раскалённым утюгом пытали, когда он в плен к ним попал, – почти шёпотом, стараясь не нарушать разговор двух мужчин, ответила мама.

Мне стало страшно и я замолчал. Слезы сами собой заволокли взор, вот-вот и начался бы водопад. Губы дрожали, и вымолвить что-то членораздельное я был не в состоянии. Шмыгая носом и размазывая по лицу набегающие слёзы, я ушёл в соседнюю комнату.

Подошла мама, прижала меня к себе и начала гладить по голове, приговаривая:

– Чего же ты плачешь, Лёшенька?! Ведь всё же хорошо закончилось. Разведчики подоспели вовремя и спасли дядю Гришу, а фашиста того, который утюгом жёг ему спину, расстреляли.

Я перестал плакать, мне неожиданно стало весело и, продолжая всхлипывать, я засмеялся. Это была такая истерика наоборот.

– Расстреляли, расстреляли! – я прыгал вокруг мамы, повторяя одну и ту же фразу, – фашиста расстреляли, расстреляли!

Мама как-то странно посмотрела на меня, затем взяла за руку и подвела к дяде Грише – фронтовому товарищу отца.

– Гриш, расскажи будущему защитнику Родины, как ты в плен попал, и как тебя немец утюгом пытал.

Сорокалетний красавец-брюнет с седыми висками, не раздумывая погасил папиросу в огромной морской белой раковине, стоящей на подоконнике и, сжав меня огромными ручищами, поставил напротив.

– Ну, давай знакомиться, мальчик. Меня Григорием Николаевичем зовут, можно просто дядя Гриша.

– А меня, Лёхой.

Я протянул свою ладонь, которая тут же утонула в огромной лапище фронтовика.

– Ты как учишься, Лёха?

Вопрос застал меня врасплох.

– По-разному.

Я опустил голову и постарался не смотреть в глаза своему новому знакомому.

– Всё ясно, неужели двоечник?

– Что Вы, дядя Гриш, я крепкий хорошист, но иногда бывают и тройки, а недавно я даже единицу получил по дисциплине! Дрался с одноклассником, а тут завуч идёт, вот нас обоих и наградили, двойку на двоих поставили.

– Ты вот что, Лёха, ты давай дерись после занятий, сколько твоей душе будет угодно, а в школе нужно хорошо учиться, особенно когда иностранный язык будешь изучать! Вот, например, простая ошибка по немецкому языку мне чуть жизни не стоила.

Я как замороженный во все глаза смотрел на бывшего полкового разведчика.

– Нас трое ребят было, разведчиков. Линию фронта пересекли удачно, нас не заметили. За двое суток километров десять-двенадцать прошагали. Шли в основном ночью, а днём отсыпались, выставив часового. И надо же, удача! Сидим в засаде, а прямо перед нами останавливается мотоцикл, с которого слезает немецкий унтер-офицер, чтобы справиться с нуждой. После того как он закончил, мы его и схватили. Засунули кляп в рот и оттащили с дороги в кусты вместе с мотоциклом. Поскольку в школе я учил немецкий, то при допросе фрица выяснилось, что недалеко располагался ихний штаб, куда он вёз документы. Открыли его планшетку и ахнули! Сразу стало понятно, что немцы на нашем участке наступление готовят и по ночам танковый кулак стягивают. Казалось бы, документы есть, «язык» есть, тащи это «богатство» к своим в штаб и верти новую дырочку на погонах для награды.

– Дядя Гриша, а «язык» это что обозначает? Вы у этого фашиста язык отрезали что ли?

Гость рассмеялся, достал портсигар и закурил новую папиросу. «Языком», мальчик, во время войны называли пленного, который был источником ценной информации.

Из кухни доносились потрясающие запахи тушёной баранины с картошкой. В комнату вошла мама.

– Мальчики, скоро будем обедать.

Я с нетерпением ждал продолжения истории.

– Дядя Гриша, а дальше! Как Вас фашисты в плен захватили?

– Как, как, – гость засмеялся, – плохо в школе учился, на переменах дрался, на уроке немецкого языка невнимательно учительницу слушал. Мог запросто глаголы перепутать, например: kommen – это глагол «приходить», а bekommen – «получать»!

А я сказал по-немецки тарабарщину, вот меня и раскололи.

Я тогда в немецкую форму унтер-офицера переоделся, подъезжаю на мотоцикле к ихнему штабу и... – гость закашлялся и вдавил окурочок в пепельницу. Немецкий офицер, который меня приветствовал и виду не подал, что я чушь сморозил, дверь передо мной открыл, пропустил меня вперёд, дескать: «Битте, хер Клаус Нойман, битте, зер!», – а сам, сволочь, со всего размаха ударил меня по затылку рукояткой парабеллума.

Мужчина затянулся папиросой, закашлялся, сразу было видно, что эти воспоминания даются ему нелегко.

– Очнулся я по пояс голый, без кителя, в голове гул стоит, как в деревенской кузне, и понял, что дела мои, ой какие неважные. Связали меня, значит, по рукам и ногам, и к деревянной лавке примотали лицом вниз. Из головы моей, из разбитого затылка кровь хлещет пульсируя и струйками стекает на лавку, образуя лужицу перед моим носом. Я

повернул голову на бок, чтобы не захлебнуться в собственной крови и вижу, как этот гад на печке утюг чугунный греет, аж докрасна доньшко утюга раскалилось! Мне и в голову прийти не могло, что этот вражина сейчас меня гладить этим утюгом будет! Только подумал, что где-то мои ребята должны быть поблизости, вроде как уговор между нами был, если я через десять минут из штаба не выйду, значит надо идти на выручку спасать. А тут слышу автоматная очередь, одна, затем вторая. Только подумал, что спасён, как что-то раскалённое упёрлось мне в спину и запахло жареным человеческим мясом!

– Вот такой урок немецкого языка, Лёха, остался на моей спине на всю жизнь. Мужчина вдавил окурки папиросы в пепельницу, поднялся со стула и зачем-то взлохматил своей ладонью мою голову.

– Там твоя мамка говорила, что обед готов и, повернувшись к отцу, с грустью сказал:

– Петрович, пойдём наших ребят помянем.

не опоздай на дуэль!



В ученицу 7«А» Ирочку Травкину не влюбиться было

просто невозможно. Мало кто не поддавался ее чарам. А уж если нарядная Ирочка вела в классе «музыкальный час», равнодушным к ней не оставался никто.

«Музыкальный час» не был каким-то особенным уроком по расписанию; его устраивали по необходимости – например, когда кто-то из учителей заболел, а на подмену никого не нашлось. Чтобы класс не разбежался по курилкам, как это норовила сделать мужская половина, устраивалось музыкальное действо, в котором первую роль играла всегда Ирочка.

Почему она? Во-первых, Травкина жила рядом со школой. Во-вторых, Ира имела абсолютный слух, с семи лет училась в музыкальной школе по классу скрипки, а потому выступления в классе служили ей настоящей концертной практикой. В-третьих, отказать директрисе Шанцевой Софье Николаевне она, как и любой ученик, не умела.

На этом импровизированном уроке она появлялась обычно переодетой: не в школьном платье и фартуке, а в костюме Маленького Принца: бархатном бордовом сюртуке с медными пуговицами и с буфами вместо плеч, бархатных же бриджах цвета ультрамарин, черных лаковых туфельках с золотыми пряжками и квадратными каблуками. Наряд венчали черный шелковый бант, украшавший лебединую шею, и бордовый берет с пером. Маскарадный костюм тотчас настраивал зрителей-слушателей на путешествие в сказочный мир музыкальной гармонии.

Точно фокусница, Ирочка доставала из обклеенного серым дерматином футляра скрипку. Инструмент сверкал, на его лакированной деке отражались люминесцентные лампы, светившие с потолка. Она сдувала с инструмента невидимые пылинки.

Вспорхнув, как птица на ветку, скрипка усаживалась на левое плечо юной музыкантши. Прижатая подбородком, она больше не трепыхалась. Правая рука возносила смычок – хлыстик, нежно ласкающий струны на грифе. И начиналась музыка. Птица-скрипка жаловалась всему миру, оплакивала участь пленницы, попавшей в крепкие ручки Ирины.

Класс замирал. На глазах учеников происходило настоящее чудо. Сладкий плен музыкальной гармонии обволакивал сознание, унося воображение советских школьников в прекрасное далёко. Сказка длилась, пока звучала скрипка.

Сколько же мальчишеских сердец она разбила? Никто не вел им подсчет. Принцесса, королева... нет, богиня!

Каждый из нашего 7«А» пытался подобрать точный словесный образ, выразить это явление, это преобразование через язык. Но слов не хватало. Как описать процесс фантастического превращения, когда обыкновенная симпатичная девочка в школьной форме вдруг превращалась в нечто феерическое, волшебное, далекое от действительности? На «музыкальном часе» мы прямо-таки ждали, что Ирочкины ножки в бриджах и туфельках вот-вот оторвутся от досок пола, выкрашенного суриком, и красавица музыкантша взлетит, по-

махав нам фалдами сказочного сюртучка.

Очередное музыкальное чародейство заканчивалось, но нас долго не покидала эйфория. Мы все ходили обалдевшие и от этой дивной классической музыки, и от самой исполнительницы. Уроки? Какие уроки! Мы хотели продолжения звуковой нирваны. Мы готовы были пойти за Ириной Травкиной, провожая ее до квартиры. Пусть только играет! Мы походили, должно быть, на мальчиков из Гамельна, отправившихся вслед за крысоловом и зачарованных его игрой на дудочке. Недаром старинная легенда вдохновляла братьев Гримм, Гёте, Браунинга и других творцов слова.

Ужасно трудно нам, семиклассникам, было вернуться от волшебной Ирочкиной скрипки к урокам по расписанию. «Расслоение феодального строя и первые признаки капиталистических отношений...» – бубнила учительница истории. Вот именно: расслоение! Только что была гармония, а теперь всё было разрушено.

Ну как тут, скажите на милость, не закуришь?

За Ириной ухаживали все мальчишки нашего класса. Кто-то, ослепленный ее красотой и скрытым за нею вдохновением, поглядывал на нее робко, украдкой, не смея при ней поднять глаза. Кто-то глазел открыто и проявлял чувства демонстративно, расталкивая соперников локтями.

Главными претендентами на руку дамы сердца были двое: сын дипломата Володя Кирсанов, блондин, модный красавец и боксёр, которому дополнительного шарма добавлял слегка

приплюснутый от пропущенного удара нос. Он имел хищный взгляд, а на губах его частенько играла снисходительная улыбка альфа-самца. Без сомнения, в мыслях своих он уже торжествовал победу над поверженным противником. Противник у него имелся.

Противостоял ему Паша Перышкин, сын двух итээровцев, трудившихся на оборонном заводе на окраине Москвы. В некотором роде юноша был противоположностью Кирсанова. Перышкин был брюнетом, взгляд его сиял открытостью, карие глаза смотрели тепло, дружелюбно и без заносчивости. Одеждой он не выделялся. Носил, как все подростки в те годы, индийские джинсы и цветастую рубашку-батник фабрики «Большевичка». Однако силой он не был обделен, как и Володя. Боксом он не занимался, но крупная его фигура то и дело мелькала в уличных потасовках.

Эта конкурентная парочка давно и безнадежно влюбилась в одаренную одноклассницу. Оба юноши чувств своих не стеснялись. Протереть доску в классе в те дни, когда Ирина была дежурной, донести ее портфель до дома, угостить девочку эскимо на палочке, а в награду смотреть, как она его ест... Этим ухаживание не оканчивалось.

Три раза в неделю один из претендентов дожидался Иру у конечной остановки автобуса №10. Ждали по очереди! Ее, возвращавшуюся поздно вечером из музыкальной школы, кавалер провожал до дома, стискивая запотевший самодельный кастет.

Двое молодцов караулили друг друга, бросали друг на друга свирепые взгляды: не дай бог, благосклонность Ирины качнется в сторону соперника! Мечта о свидании с дамой сердца, о первом поцелуе сводила с ума обоих. Словом, на глазах всего класса разворачивался роман – и не просто разворачивался, а приближался к кульминации.

Класс, особенно его мужская половина, разделился на две неравные части, болевшие за героев-соперников. Большинство ребят болело за Володьку Кирсанова. Все-таки Володька был сыном дипломата, владел шикарной коллекцией виниловых пластинок – рок, поп и всё, что душа пожелает. А еще у него водились жевательная резинка и заграничные сигареты. За Пашку болела в основном другая аудитория: простые парни, пацаны из его двора.

По телевизору показали несколько серий фильма о трех мушкетерах с Михаилом Боярским в главной роли. Романтическая картина придала новый оттенок соперничеству двоих из седьмого «А». Отсюда и пошло подражание мушкетерам.

Стремясь подражать ловкому фехтовальщику д'Артаньяну, благородные соперники записались в секцию фехтования. Каждый вечер после уроков оба шли в школьный спортивный зал, надевали защитные маски и яростно сражались на рапирах, постигая мушкетерскую науку. Тренер Иваныч успел показать им немного: так, пару-тройку приемов на рапирах. Пока мальчишки их отрабатывали, он напевал припев из понравившегося фильма:

Пора-, пора-, порадуемся на своем веку
Красавице и кубку, счастливому клинку!
Пока-, пока-, покачивая перьями на шляпах,
Судьбе не раз шепнём: «Мерси боку!»

А потом Иваныч ушел в запой. Зная, что пить будет не меньше двух недель, он сообщил Володе и Паше, где хранится ключ от кладовки со спортивным инвентарем. Впрочем, это и без него все знали.

С тех пор все вечера у обоих были заняты, и все проходили при Ирочке.

Когда занятий в музыкальной школе не было, Ирина охотно шла вечером в компании соперников-ухажеров в спортивный зал. Там она наблюдала за опасными спортивными поединками, которые в любой момент грозили перейти в мордобой – настолько накалились страсти. Нельзя сказать, что Ира не понимала этого. В свои юные годы она оказалась натуральным живым громоотводом, по очереди одаривая знаками внимания обоих самодеятельных мушкетеров. Ловя ее взгляды, они делались на минутку счастливыми. Помня о галантности мушкетеров, целовали даме ручку, а затем до хрипоты спорили, кому сегодня будет принадлежать носовой платок Первой Школьной Красавицы.

Разгоряченные после поединка парни умывались в туалете: смывали пот с лиц, глотали ледяную воду из-под крана.

Осенью температурные контрасты только бодрили обоих, но позднее, перед Новым годом, когда грянули трескучие морозы, когда термометр показывал минус 25 градусов, организм Паши Перышкина не выдержал. «Мушкетер» свалился с ангиной, от которой недалеко было до воспаления легких.

Болезнь он не умел. Не хватало ему и самодисциплины. Постоянно кашляя, жалуясь на высокую температуру, он, однако, не слушал родителей, не выполнял наставления врача и практически не лечился. Вдобавок этот больной еще и покуривал дома в приоткрытое окно. В конце концов он попал в больницу с подозрением на двустороннее воспаление легких. Там режим и дозы антибиотиков сделали свое дело: пациент пошел на поправку.

Две с половиной недели провел Павел в больничной палате. Больница стала для него словно тюрьмой. Ему даже снились кошмары: вот его дама сердца целуется с Володькой, вот он несется к ним, целующимся, кричит, прямо-таки вопит, но они будто не слышат... А он все ближе... Но что-то происходит с его телом, оно не подчиняется больше командам мозга, он, словно в замедленной съемке, пытается ударить соперника, но вместо удара его рука сминается, как пластилиновая, а из головы сыплется труха, как у сказочного Страшила... От ужаса он снова вопил, однако из горла доносилось лишь сипение.

К выздоровлению Павел сильно похудел, черты его лица заострились. Казалось, даже отношение его к жизни пере-

менилось: в глазах, прежде добродушно-снисходительных, неожиданно для одноклассников возник какой-то злой огонек.

И этот злой огонёк таился до поры до времени. С особенной силой он вспыхнул в один недобрый час. Проходя по школьному коридору, Паша вздрогнул: в группе хохочущих одноклассников вдруг просклоняли его фамилию. Он мигом выхватил взглядом в центре собравшихся Володьку Кирсанова. Прозвучала и фамилия дамы сердца. А дальше Володька от описания свидания перешёл к смакованию прелестей Ирочки Травкиной. Прелести эти он якобы нащупал вечером в кинотеатре.

Кровь бросилась в лицо Паше. Он растолкал тех, кто окружал рассказчика, не видя их лиц. Видел он только одно лицо. Схватив соперника за ворот рубашки, толкнув его к стене, он закричал:

– Врешь, сволочь! Ты все придумал! Не было у тебя ничего с Ириной!

Кирсанов будто ждал явления своего конкурента. Будь Володя постарше, он бы наверняка понял, что громкий рассказ был заготовлен для него, а не для толпы.

Легко освободившись от Пашкиного неумелого захвата, Кирсанов оттолкнул его, одновременно наступив ему на мысок ботинка.

Бывший школьный друг потерял равновесие. Ударившись затылком об угол колонны, он упал и остался лежать. Крас-

ная лужица медленно накапливалась на полу. Однако трагедии не произошло. Пашка не даже потерял сознания. Кровь сочилась из содранной с затылка кожи. Впрочем, со стороны всё выглядело иначе...

Будто волна пробежала по столпившимся вокруг поверженного тела одноклассникам. И тут Паша увидел ее, увидел совсем близко. Дама сердца держала носовой платок, отороченный кружевом. Из глаз ее катились слезы. Осторожно приподняв Пашину голову, она приложила платок к его окровавленному затылку. Касаясь губами его лба, носа, губ, она шептала горячо:

– Ты живой, живой, Пашенька? Не умирай, слышишь, не умирай! Пожалуйста!

Владимир стоял чуть поодаль, окруженный своими вассалами, готовыми за импортные сигареты и жвачку исполнить любое желание. Но вид и у них, и у их босса был растерянный. Положение оказалось для юношей новым. Володька никак не ожидал такого развития событий, такого проявления нежности от Ирочки. Только что не было никакого Пашки, и вот на тебе... Как бы он хотел сейчас оказаться на месте поверженного соперника!

И тогда руки и губы дамы сердца принадлежали бы ему. «Господи, – взмолился он мысленно, хоть и был атеистом, – да я даже умер бы, вот только б на минутку оказаться на Пашкином месте!»

И тут ему ответил внутренний голос: «Знаешь, побере-

ги-ка ты жизнь. Не разбрасывайся ею. Она у тебя одна. И этой минутки она не стоит. Еще успеешь отличиться, глупенький!»

Кто-то из ребят открыл окно и разломил сосульку. Завернув осколки льда в носовой платок, протянул платок Ирине.

– Приложи, не то вся кровь из Пашкиной башки вытечет!

Ирина с благодарностью взглянула на советчика.

– Я приложу лёд к твоей ране, Пашенька.

Она снова приблизилась к «мушкетеру». Лицо её остановилось всего в нескольких сантиметрах от его губ. Руку с платком она держала на его затылке. Другая ладонь опустилась на юношеский подбородок. Тонкий аромат польских духов «Быть может» и слезы дамы сердца, раскаленным дождичком окроплявшие лицо, вознесли Пашу Перышкина на самый верх райского блаженства. О, если б он мог видеть в тот момент собственное лицо! Оно светилось от счастья. Никогда прежде ни с кем ему не было так хорошо, как сейчас с Ириной.

И тут Володька не выдержал.

– Ни дать ни взять – Иисус Христос и Мария Магдалина, рок-опера Эндрю Веббера в провинциальном исполнении!

Он попытался даже затянуть вокальную партию Яна Гиллана, вокалиста «Deer Purple»:

– Джизус Крайст – суперстар!

Получилось фальшиво и совсем не к месту. Ведь Ирочка была музыкантшей. И никогда не фальшивила.

Она подняла голову. Увидев ее глаза, полные боли и ненависти, Кирсанов оборвал свой вой.

– Ну уж... Пошутить нельзя, – выдавил он из себя.

Чтобы не сорваться и не наговорить гадостей, Володька круто повернулся и со своей свитой двинулся к мужскому туалету.

Тем временем холодные струйки воды от растаявшей со-сультки побежали по позвоночнику, и Паша как бы выпрыгнул из рая, полного счастья и любви. Ну, еще немножечко... Приподнявшись на локтях, он прикоснулся осторожно к руке Ирочки на своем затылке и прошептал, ощущая прилив жара к щекам:

– Мадемуазель Ирина, мне уже значительно лучше.

Девушка откликнулась на киношный диалог:

– Месье Павел, мне доставляет огромное удовольствие врачевать вашу рану и ухаживать за вами!

Поднимаясь, Паша случайно прижался губами к ее шее и в нос ему ударил знакомый аромат польских духов «Быть может». Чувствуя, как сознание его мутится, он прошептал даме сердца на ухо:

– Ах, мадемуазель, для меня эта рана как награда, ведь я защищал вашу честь!

– Так-так! Травкина и Перышкин! Вы в своем уме? Целуетесь в школе, да еще лежачи! Вам что, подъездов не хватает?

Голос завуча школы, Михаила Осиповича Вайнштейна, не просто вернул влюбленных с небес на грешную землю, а

швырнул.

Они аж отпрянули друг от друга. Окровавленный платок полетел к ногам завуча. Пашкина голова едва не стукнулась о пол. Спасла невезучую голову Ирина. В последний момент она успела подсунуть ладонь.

Завуч нагнулся и поднял красную тряпицу за белый уголок.

– Что здесь произошло? Откуда кровь? – Преодолевая безразличность, учитель держал окровавленную улику двумя пальцами.

– Да ничего особенного, – подал голос кто-то из одноклассников. – Перышкин поскользнулся и ударился головой. Вон, о колонну. А наша Травкина оказала ему первую помощь! Благородно, Михаил Осипович!

– Так-так... Ну-ка, благородные, быстро к врачу на первый этаж!

Он поднял с пола за руку упавшего Перышкина и чуть не силком потянул его в медпункт.

– Нам в школе еще заражения крови не хватало!.. – воскликнул он по пути.

Спустя час Павел с забинтованной головой и дурацкой улыбкой на пол-лица объявился в классе. Как раз шла перемена.

В медпункте ему наложили на рану скобы. Заставили прилечь на кушетку – мол, слабость от потери крови. А еще напичкали антибиотиками. Все вместе вернуло героя в состо-

ание эйфории. Он готов был возлюбить весь мир, включая Володьку. А что?

Ведь они вдвоем любят богиню – Ирочку Травкину!

Странно, но его соперника в классе не было. Ну конечно, в туалетную комнату отправился подымить.

В туалете было накурено. Сизые клубы табачного дыма и затылки одноклассников – вот что он там увидел. Над затылками поодаль, на заднем плане возвышался лик Володьки Кирсанова. Тот сидел на подоконнике и ораторствовал. И речь его словно служила продолжением предыдущей речи, прерванной столь драматично.

– Снимаю я с нее кофточку, начинаю расстегивать лифчик и вдруг понимаю: под лифчиком ничего нет! Два комочка ваты размером с кулак падают на пол...

Слушатели захохотали, и это привело Пашу в ярость. И не только это: люби Володька девушку по-настоящему, разве стал бы он глумиться над нею в сортире!..

Павел и сам не понял, как очутился возле окна. Одноклассники вокруг попадали, как кегли. Стащив друга с подоконника, он повалил его на кафельный пол. Заболела вдруг рана на голове. Как у мушкетёра!

Он выплюнул слово за словом в лицо противнику:

– Сегодня моя шпага к вашим услугам, месье! Встречаемся в семь вечера в спортзале. Не опоздай на дуэль!

Его колотило, он с трудом сдерживался. Вот бы врезать сейчас этому гаду!

– Сам не опоздай.

Ответа поострее у сына дипломата не нашлось.

В назначенное время семиклассники буквально осадили спортзал. Поединок обещал быть и увлекательным, и страшным. Это вам не драчка в туалете или за углом!

В основном собрались Володькины вассалы. Накануне тот раздал им щедро упаковки с жевательными резинками и сигареты. Двигая челюстями и то и дело выбегая покурить, вассалы ждали своего сюзерена, могучего и справедливого. Поодаль держалась небольшая группа парней, одетых попроще. Нетерпение их тоже было велико: многие из них поглядывали на часы, висевшие в зале над шведской стенкой.

В разглядывании часов и покуривании минул час, затем второй. Никого не дождавшись, группы сторонников Перышкина и Кирсанова покинули школу. Великое нетерпение сменилось великим разочарованием. Стали ждать в школьном дворе.

– Придут, всё равно придут.

– Таких слов на ветер не бросают.

– Вызов, настоящий вызов на дуэль!..

Вскоре школу покинули уборщицы тетя Клава и ее дочка Зиночка, дурочка, зачатая в алкогольном угаре послевоенной юности. В здании остался один сторож. Он выключил свет, и последние освещённые окна почернели. Прямоугольник школы мрачно возвышался над скелетами тополей и пиками кованого забора. Сторож медленно обошел здание по

периметру. Убедившись, что свет везде выключен, он направился в свою подвальную комнатенку.

Тем временем школьный пустырь, летом служивший футбольным полем и беговой дорожкой для сдачи норм, а зимой пространством для лыжной эстафеты, пересекли два юношеских силуэта. Длинный застекленный коридор соединял основное здание школы со спортивным залом, который выстроили позднее. На плане это выглядело буквой «Г» в ее зеркальном отражении. Ножкой буквы являлся спортивный зал с застекленным коридором, а здание школы – перекладиной.

Как попасть в спортзал?... Легче легкого!

Окно мужского туалета на первом этаже всегда запиралось на шпингалет. В женский же туалет проникнуть через окно можно было свободно. Чем всегда и пользовались опоздавшие на урок школьники.

Отворив оконную раму, соперники беспрепятственно проникли в родную школу.

Не глядя друг на друга, они миновали коридор и влетели в темную пасть спортивного зала. Щелкнул выключатель. Белый свет люминесцентных ламп больно ударил по глазам. Соперники зажмурились и поморгали, привыкая к свету. Не говоря ни слова, они открыли крохотную комнатенку, служившую Иванычу складом спортивного инвентаря. Ключ от нее хранился в условленном месте над дверью, был засунут в щель между стенкой и наличником.

«Мушкетеры» выбрали из пирамиды по рапире. Уткнув рукояти в пол, принялись свинчивать с клинков защитные колпачки.

Понимал ли Володька, что в своей любовной стратегии и тактике зашел слишком далеко? Конечно, понимал. Но гордыня мешала ему протянуть руку сопернику и извиниться. Приближаясь к чему-то роковому, он прокручивал разные варианты финала. В этот вечер из зала уйдет кто-то один, а второй останется лежать на полу. Раненый, а то и убитый. В голове бушевал внутренний голос: «Честь дамы сердца! Честь дамы сердца!.. Вот заколет тебя этот псих с забинтованной головой! Или опасно ранит. Изуродует. И о МГИМО и дипломатической карьере придется забыть! Языком-то трепать ты горазд! Ну-ка, признавайся, сейчас куда свой язык засунул?»

Пока Кирсанов вел беседы с собственным страхом, Перышкин с забинтованной головой ждал. Ждал, держа рапиру. Свинченный защитный колпачок лежал в кармане.

От взгляда соперника Володю аж перекошило. Чистейшая ненависть! Ненависть к сопернику, оскорбившему честь дамы сердца. По всем рыцарским законам такую ложь, такое оскорбление можно смыть только кровью.

Перышкина смерть и вправду не страшила. Это же так сладко – погибнуть на дуэли, умереть за честь возлюбленной! Впрочем, тут же являлась и сказочная мысль: потом он оживет, а там уж они поженятся. Неужели же Ирочка пойдет

вот за этого оскорбителя?

Эта смелая мысль согрела Перышкина. Несмотря на легкое головокружение, он поспешил принять боевую стойку. Вытянув правую руку с рапирой вперед, левую он согнул в локте, как бы демонстрируя бицепсы.

В памяти всплыла безобразная сцена в туалете: похвальба глумливого соперника, поддерживаемая кучкой вассалов, продавшихся за сигаретки. Эти глупцы посмели смеяться над святой святых! Над Ирочкой Травкиной! Едкая волна ненависти и любви вперемешку шибанула Перышкину в голову, а вместе с нею вдруг пришли слёзы. Печаль смыла самообладание. Противник перед ним раздвоился, распался на трое.

Начисто забыв про тактику фехтования, Паша сделал выпады туда и сюда и даже махнул рапирой как шашкой. Слезы лились из его глаз уже водопадом. Он голосил, как младшеклассник.

– Ты, наглец! Что ты там городил про Иру? Повтори, мерзавец! – ревел Перышкин, наступая на то пустое место, где прежде стоял соперник. – Что у тебя с ней было? Или все врешь, каналья?

Володька уворачивался, с легкостью отбивал выпады неуклюжего соперника. Право, не фехтовальщик, а баба! Конечно, такой псих недостоин талантливой Травкиной. Какую-то минуту назад Кирсанов подумывал о мировой, но теперь передумал.

Зачем? Отличная мысль: поиграть с Пашкой-неудачником!

Отбив очередной грубый выпад, Кирсанов выкрикнул – и эхом отдался его голос в спортзале:

– Вру? А вот и не вру!

– Врешь!

Ещё один парированный выпад. Положительно, Перышкин забыл все уроки Иваныча.

– Мы были на вечернем сеансе в кино, – уходя от противника, начал рассказывать Володя. – На последнем ряду. Мы не только целовались! Я трогал ее грудь. Сама позволила. Грудь у нее маленькая. Правду говорю! В чашечки лифчика Ирка кладет вату.

Володя нарочно старался говорить спокойно, прерываясь на вдохи и выдохи. Слабое место противника найдено: его выдержка.

Он оказался прав.

Перышкин закатил форменную истерику. То, что он делал с рапирой, уже нельзя было назвать фехтованием. Вместо серии выпадов он принялся наносить беспорядочные колющие удары, а затем и вовсе стал тыкать клинком в лицо сопернику. Едва ли он помнил о снятом защитном колпачке. Крик стоял на весь зал:

– Врешь! Ты все придумал! У тебя ничего с ней не было!

Будь то простая драка, тактику Перышкина назвали бы паровой атакой. Оторопевший от напора Володя, уже с тру-

дом парируя беспорядочные выпады Павла, вдруг заголосил фальцетом. Сердце его бешено колотилось от инстинктивного страха.

– Пашка, ты что? Ты что, дурак? Мы же прикончим друг друга! Оно того не стоит, Паша!

– Когда при всех рассказывал, как лапал Иру, о чем думал? Позлить меня решил?

– Да, решил! Она тебя обнимала и целовала, когда ты на полу валялся с разбитой головой, а я...

Выпад, ещё выпад. Володя отступает, Паша загоняет его в угол.

– Но в кино я с Ирккой ходил! На «Зорро» с Аленом Деллоном! Но и только! Клянусь, у меня с ней ничего не было! Сидели, смотрели кино, взявшись за руки. Даже поцеловать ее духу не хватило!

– Ага, значит, про грудь ты тоже придумал?

Павел тыкал рапирой, но противник, сохранивший еще часть сноровки, от клинка благополучно уходил.

– Про вату мне Светка Залипаева рассказала. Что тут особенного? У нас многие девчонки так делают, у кого грудь поменьше.

– Мерзавец! Негодяй!!

Павел яростно шуровал рапирой, наступая на соперника. Тот, пятясь, отбивал выпады, пятился, снова отбивал.

– Какой же ты гад, Володька! Завтра при всем классе скажешь, что все наврал про Ирку. Скажешь, что у тебя с ней

ничего не было. Ну?..

Володька уперся спиной в шведскую стенку. Всё, дальше отступать некуда. Извиваясь подобно змее и уклоняясь от выпадов соперника, он продолжал обороняться. Пойти на мировую, упасть перед противником на колени, признаться перед классом во лжи – он был теперь готов на что угодно. На что угодно, только бы прекратилась эта паровозная атака.

Отразив очередной выпад наседавшего Перышкина, он просто выставил клинок рапиры перед собой. На каком-то автоматизме, пытаясь отбить неподвижный клинок, Павел споткнулся о выпиравший край половой доски и налетел на острие рапиры. Клинок прошел через левый глаз, прошил головной мозг и уперся в стенку черепа.

Смерть наступила мгновенно. Тело, надетое на чужой клинок, по инерции продолжало двигаться навстречу противнику.

Затем обмякло и рухнуло под ноги соперника.

Крик ужаса застрял в ее горле. Хлынули – в который раз – слезы. Кошмар поединка долгое время преследовал Ирину Перышкину, и только с рождением дочери сны стали являться реже.

Она с нежностью прильнула к спящему мужу. Его красивый профиль четким силуэтом смотрелся на фоне окна. Его нисколько не портил – напротив, украшал, – шрам, протянувшийся через левую щеку до виска и остановившийся в

сантиметре от глаза.

В детской кроватке, стоявшей возле семейного ложа, за-хныкала, зачмокала годовалая дочка, намереваясь проснуться. Ирина подхватила на руки спеленатый комочек из детской кроватки. Опустив бретельку ночной рубашки, женщина выпростала роскошную грудь с набухшими от прихода молока сосками. Сонная дочурка захватила губами источник живительного нектара и принялась за работу.

Жена провела рукой по лицу мужа, нежно касаясь его шрама.

– Ах, мадемуазель Ирина, для меня эта рана как награда, ведь я защищал вашу честь!

– Ах, месье Павел! Мадам Перышкина, а не мадемуазель!

чертова метка

(Фэнтези)



В тихий час они успели искупаться. Пока пионерский лагерь «Орлёнок» спал или делал вид, что спал, двое сбегали к реке. Оба уже одевались, когда неожиданно налетел ветер. Порывы его натащили на небо серые тучи с фиолетовыми боками. словно струсив перед непогодой, августовское солнце спряталось за макушками темных елей. Небо стало ниже, тучи будто нарочно норовили задержаться над головами мальчишек.

– Ванька, ты что копошишься, как девчонка? Одевайся скорее! Бежим – вот-вот ливанет!

– А сам-то?..

И то верно! Димка скакал на одной ноге на песке, пытаясь второй попасть в штанину. Не так-то это просто, когда ты мокрый, и одежда липнет к телу!

Осознав, что одеться до ливня не успеет, Иван сгреб штаны и рубаху в охапку, прижал к груди и что было мочи понесся к дубу. Тот красовался на краю луга, заросшего клевером.

– Догоняй, Димон, не то промокнешь, как цуцик!

Что за зверь такой – цуцик, никто из ребят не знал. Ну да не беда! Богатое воображение мальчишек рисовало что-то жалкое, мокрое, склизкое и одновременно напоминающее мышей-полевок, норки которых они на спор и ради смеха девчонок из третьего отряда заливали водой из целлофановых пакетов.

Дождь рухнул разом – будто сто миллионов ведер опрокинул кто-то с неба. Интересно, сколько рек вместил бы та-

кой ливень?

Ребята думали об этом уже под спасительным деревом. Ванька обнял ствол дуба – до того перепугался подступающего дождя.

Что случилось дальше, он едва ли помнит. В голове осталась лишь жуткая картина со звуком: ослепительная вспышка и страшный грохот, точно планета треснула пополам. Что-то раскаленное ударило его по затылку.

Хорошо, был у него настоящий друг!

Димон не растерялся – дотащил полумертвого товарища до медпункта в лагере.

Что было потом?

Несколько дней Ваня провалялся без сознания. Его уже хотели везти в московскую больницу – и тут он очнулся.

На затылке у Ваньки образовалась проплешина размером с пятикопеечную монету. Ожог, напоминающий след свиного копыта. Местная врачиха уверенно заявила: «Чертова метка»!

С тех пор за мальчишкой и закрепилось прозвище – Ванька-Черт. Обидное? Нисколечко! «Черт» не обижался. Ему было просто не до этого. Получив метку, он приобрел паранормальные способности! Чистая правда: Ванька и сам поражался новым умениям.

К примеру, зайдя в любое помещение, Ванька узнавал, что здесь происходило. Он читал стены и потолки как книги. Кто-то из взрослых назвал эту уникальную способность

«считыванием информации». Временные промежутки, которыми оперировал Черт, были довольно велики: он знал, что произошло в комнате пять минут назад или случилось вчера, но также мог отлистывать «книгу» на год назад и даже лет на десять или двадцать, если только комната была такой старой.

Переменившееся сознание Ваньки-Черта работало подобно фильмоскопу. Когда Ваня был маленьким, в детском саду на плохо растянутой простыне воспитательница Октябрина Павловна показывала ребятишкам диафильмы. Ваня любил эти замечательные истории на пленке, обожал сказочных героев. Многие из них врезались в его детское подсознание. Теперь он как бы снова смотрел диафильмы, только не сказочные, а самые настоящие – о настоящей жизни, которая протекала за этими стенами. По стенам проплывали картины-диафильмы, слышались голоса учителей, директора, стоял гул класса. Стены оживали и сами рассказывали свои истории!

Однажды Ванька решил необычным образом проверить свои чудесные способности. Он заявил, что угадает стихотворение, которое прочтет кто-нибудь из одноклассников. Чтобы подчеркнуть серьезность намерений, поспорил с одноклассниками на пирожок с повидлом из школьного буфета. Пари, конечно, приняли. Ну что ж, вперед! Покинув класс и даже отойдя от двери на порядочное расстояние, он встал в коридоре, окруженный несколькими одноклассника-

ми. Засек время. Пять минут – и он возвращается в класс, а там пересказывает стихотворение Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

Однако школьнику не поверили. Решили, что он заранее договорился со своим закадычным другом Колькой Дербышевым. Что ж, Ванька на том не успокоился! И счет пирожкам продолжился. Выигрывал Черт всухую. Двадцать – ноль! Короче говоря, когда счет пирожкам перевалил за два десятка, одноклассники притихли. Они поняли: с Ванькой-Чертом и вправду не всё так просто, как кажется! И это понимание и выигрыш в споре сыграли с Ванькой злую шутку.

Его стали побаиваться и сторониться. И в самом деле: а вдруг выведает, что у кого на уме! В мыслях у иных школьников – сплошное озорство. Как украсть классный журнал из учительской и исправить накопившиеся двойки за четверть, ежели рядом всеведущий тип? А как подглядеть за девочками в школьной раздевалке после физкультуры? Да мало ли что волнует мальчишек!

Триумфом же экстрасенсорных возможностей Ваньки-Черта стала вот такая история. Директору школы Шанцевой Софьи Николаевне учителя подарили на юбилей большую картину в дорогой раме: букет махровой сирени в стеклянной вазе на фоне открытого окна, выходящего в залитый солнцем сад. И деталь: отдернутая вправо занавеска. Картину написал известный художник, стоила она немалых денег и куплена была учителями в складчину. Софья Николаев-

на подарку очень обрадовалась и украсила им собственную спальню. Тут-то и началось ужасное...

Директрису одолела бессонница. В голове вертелись мысли – думаете, о двойках в школьных журналах и о педсоветах? Нет – о конце света! Лезла в мозги и прочая экзистенциальная чушь, модная в середине прошлого столетия. Отношения в семье стали разлаживаться. Софья Николаевна внезапно обрела привычку одергивать в разговоре мужа и ссориться с ним по пустякам. И ладно бы, муж был каким-нибудь заядлым спорщиком! Нет, он всегда считался интеллигентнейшим тишайшим человеком. Муж преподавал историю в той же школе, где она была директором. Уже посетила Софью Николаевну идея о разводе, о невозможности совместно жить с тираном, который слова не дает сказать бедной женщине! А ведь родили вместе двоих детей, мальчику исполнилось десять, девочке – двенадцать.

У директора школы всегда есть свои соглядатаи. Юные.

Соглядатаи, которые у Софьи Николаевны заводились почти в каждом классе будто сами собой, вскорости доложили директору о сверхъестественных способностях Ивана Савушкина, ученика 7«Б» класса. Нужен разговор! Но не в школе, конечно. Это опытная директорша понимала. И пригласила Ваню к себе домой. Последнего это нисколько не удивило: после истории с пирожками он пользовался повышенной популярностью у одноклассниц, каковые отчего-то не так боялись его, как мальчишки. В какой-то мере про

Ваньку даже можно сказать: он находился в зените собственной славы. И вот слава докатилась до самого верха – до директора!

Софья Николаевна ходить вокруг да около не стала.

– В семье у нас что-то не то, Ваня, – ласково сказала она. – Ты бы присмотрелся, принюхался, или как там ты это делаешь...

И он принюхался.

Ученик седьмого класса «Б» обошел директорскую квартиру. Побывал и в спальне, и в туалете, где, подражая участковому терапевту, не спеша помыл руки с мылом и потребовал чистое полотенце.

– Ваня, не томи, – не выдержала Софья Николаевна. – Есть что сказать – говори!

Подросток постарался нахмуриться и, всё так же подражая участковому врачу, заявил:

– Давайте-ка выпьем чаю. Вот за чайком я вам всё и расскажу. Да, я кое-что увидел и услышал в вашей квартире!

Директриса возражать не рискнула и поставила чайник на плиту. «Чая будет мало, – сказала она себе, – мало... Тут нужно самое лучшее!» Рука её извлекла из буфета банку с персиковым вареньем, которую привезла дальняя родственница мужа из Абхазии. Варенье было разложено по хрустальным розеткам. Салфетки, ложечки, блюдца, чашки...

И она уставилась на семиклассника Савушкина.

– Чай. Варенье. Я тебя слушаю, Ваня!

«Говори, не то двоек наловишь в четверти – и исправить не успеешь!» – чуть не вырвалось у нее.

Прихлебывая чай из большой чашки, расписанной под Гжель, и ложкой за ложкой отправляя в рот вкуснейшее варенье, юнец наслаждался своим положением жреца, прорицателя... да что там – волшебника! Доев варенье и допив чай, он облизал ложку и положил ее рядом с пустым блюдцем.

Перед ним сидела пунцовая от злости директриса. Еще немного, и глаза ее начнут вращаться.

Наконец школьник заговорил.

– Софья Николаевна, – сказал он, – вам надо срочно избавиться от картины с сиренью. Картина эта черным-черна от негативной энергетики. Подождите, подождите... Не возражайте. Когда художника не стало, вся его родня переругалась из-за наследства. Я вижу, я всё вижу. А еще чувствую. Стоило мне зайти в вашу спальню, Софья Николаевна, как меня обуял страх. Дикий просто ужас. Понимаете? А шум стоял такой, будто у вас там народу целый класс собрался, и все кроют друг друга почему зря. От картины этой у вас бессонница и головная боль, – сказал он словами участковой врачихи.

Директриса уже не сидела, а стояла. И кивала с растерянным видом. Расставаться с картиной ей совсем не хотелось.

– Савушкин, а нет иного способа?

– Какого, например?

– Может, помыть картину с хозяйственным мылом? Или земляничным? Чем смывают нехорошую энергетику?

– Удивляете вы меня, Софья Николаевна, – степенно возразил школьник. – Это ж картина. На холсте. Холст – он же ткань. Краска-то потом облезет. Зачем портить произведение искусства? Отнесите-ка живопись в комиссионку. Там картину продадут.

А вы на вырученные денежки купите себе то, что хотите. Да хоть телевизор. Дорогая же, наверное, картина...

Тогда уж не телевизор, мысленно продолжила диалог Софья Николаевна, вспомнив о «Рубине-102» послевоенного выпуска, стоявшем в гостиной. Лучше холодильник. Нет, стиральную машину! Точно! Походы в общественную прачечную давно превратились в изматывающую пытку для Софьи Николаевны, директора школы. Не хватало ни сил, ни времени, а еще тяжело было таскать тюки с бельем. Вдобавок в выходные в прачечной всегда создавались очереди. И вместо того чтобы проверять тетради по русскому языку и ставить оценки, Софья Николаевна торчала в прачечной.

История эта завершилась вполне благополучно.

Как только картина «Букет сирени» исчезла из квартиры директрисы, в семье воцарился мир. Словно злые духи мгновенно утянули за собой всё плохое. Властное лицо директрисы смягчилось. Муж Софьи Николаевны в воскресное утро приблизился робко к жене и поцеловал ее! Та отложила расческу и с интересом посмотрела на своего суженого, которо-

му стукнуло уже сорок три годка, припомнила, как весело жилось на свете в студенческие годы – и вдруг рванула, как студенточка, на кухню, откуда спешно доставила в спальню бутылку «Вазисубани».

Проснувшись, дети никак не могли взять в толк, отчего не готов завтрак и почему из спальни родителей доносится по десятому разу песня Сальваторе Адамо «Падает снег». Но это что! Куда больше мальчика и девочку поразило предложение вечно занятой мамы взять да пойти всей семьей в кино – на нашумевший кинофильм Станислава Говорухина «Вертикаль».

* * *

Машинист, он же начальник поезда, притормозил на повороте узкоколейки. Приближалась станция Безымянная.

– Сергеич, на Безымянной платформы нет, прыгай на насыпь! Скорость невелика, давайте...

Попов Алексей Сергеевич, а попросту Сергеич, военрук, капитан в отставке, поджарый подтянутый человек с седым бобриком волос, кивнул. Голубые глаза его смотрели пронзительно, почти молодо. Он руководил поисковым отрядом «Орленок». Отставной капитан пожал руку начальнику поезда, а затем подал пример всему отряду. Сначала военрук скинул на землю тяжелый вещмешок, набитый консервами и сухпайком, а затем с легкостью, отпустив поручень, спрыгнул на насыпь.

Следом за командиром юнармейцы-пятиклашки, как горох, кубарем покатались по насыпи. Прыгали так, как учили на физкультуре. Поэтому обошлось: никто не подвернул ногу, не поранился, не поцарапался.

Ванька-Черт прыгал последним. Паровоз серии ПЗ6 Коломенского завода имени Куйбышева, выпущенный в 1957 году, поддал парку, прощально прогудел трижды и вздрогнул, собираясь набрать скорость после поворота, – и Ваня сиганул вниз. Бросил мешок с консервами и сухим пайком, сгруппировался и прыгнул. Коснувшись ногами насыпи, он, как учили, перенес центр тяжести тела на правый бок, и, перекатившись три раза, поднялся, спокойно отряхнулся и потопал к своему вещмешку.

– Отря-я-я-д, становись! – зычным голосом скомандовал Сергеич. – По порядку – рассчитайся!

Военрук оглядел заспанные, чуть помятые лица мальчишек. Ничего, сейчас разглядятся.

– Ставлю задачу, – сказал он. – Слушайте внимательно. В лесах здесь действовал партизанский отряд, в составе которого находился пионер-герой Василий Портнов, выпускник нашей школы, имя которого она и носит. Нам предстоит сделать марш-бросок километров на десять – двенадцать до заброшенного монастыря. Там располагался штаб немецкого артиллерийского дивизиона, где в застенках и погиб пионер-герой. Задача: пройти по местам боевых действий отряда и собрать сведения о подвиге Васи. Места здесь глухие,

болотистые, кое-где попадаются неразорвавшиеся снаряды и мины. Идем цепочкой, стараемся не отклоняться от товарища, идущего впереди.

Сначала умоемся. А то некоторые никак не проснутся! Видите, вон там чугунная колонка? Один жмет на рычаг, второй умывается, потом поменялись. Ясно? Умываемся, чистим зубы. Не забываем наполнить фляги. Питьевой воды поблизости нет. Ближайший колодец находится в заброшенной деревне Горелово, а до нее километров пять будет.

Приводим себя в порядок, затем каждый юнармеец подходит ко мне за сухим пайком. Перекусываем. И двигаемся дальше. Да, кстати. – Военрук достал новенький пузырек одеколona «Шипр» и пустил по рукам. – Брызгаем аккуратно на шею, лицо, руки. Иначе станем добычей местных комаров-кровопийц.

Ну что, готовы, орлята? А что у вас с обувью? Ну-ка, проверьте, не ослабла ли шнуровка на кедах. Подтяните. Никому не нужны кровавые мозоли. Прошу отнестись к моей просьбе серьезно. Аптек здесь нет.

Пока ребята умывались и проверяли шнурки, военрук устроился на пригорке и открыл офицерский планшет. Достал компас. Поводил пальцем по карте, совместил маршрут с направлением стрелки компаса: зафиксировал направление марш-броска. Застегнув планшет, молодецкато выпрямился.

– Всем юнармейцам выстроиться в цепочку и двигаться за

мной! – дал команду. – Савушкин, пойдешь замыкающим. Следи: не дай бог, кто отстанет, потеряется по дороге!

Послышался голос:

– Товарищ командир отряда, разрешите обратиться.

– Разрешаю, юнармеец Меликян.

– А правду писали в газете «Красный лесник»? Ну, что в прошлом году в монастыре погибла большая группа туристов?

– Было такое, – признал военрук. – Группа задохнулась от угарного газа, очевидно, по неопытности. Туристы были городскими жителями, закрыли заслонку дымохода слишком рано.

– А журналист написал, – сказал Меликян, – что заслонка была открыта, а у всех туристов на лицах застыли гримасы ужаса...

– Вот чтобы этого не произошло, юнармеец Меликян, я назначу вас дежурным по закрыванию дымохода. Закроете заслонку своими руками, когда убедитесь, что все дрова в печи прогорели. А сейчас, – громко сказал командир, – встать в строй и цепочкой, соблюдая дистанцию, за мной – шагом-о-м марш!

* * *

Главное в марш-броске с подростками – не сбить у ребят дыхание. Идти в хорошем темпе, однако не слишком, чтобы даже самый нерасторопный боец поспевал. Вот и хорошо,

вот и ладненько!

Сергеич несколько раз оглядывался. Убедившись, что отряд взял нужный темп, устремился вперед. На протяжении нескольких километров маршрут совпадал с узкоколейкой, что облегчало движение: шедшие не спотыкались о валежник, не обходили поваленные бурей деревья, отклоняясь от маршрута и таким образом удлиняя его. Стояла особенная глухая тишина, лишь изредка нарушаемая криком болотной птицы да уханьем филина, почему-то перепутавшего день с ночью.

В таких-то вот дремучих лесах и водятся лешие, в чащобах стоят избышки на курьих ножках с бабами-ежками внутри, а на болотах водяные заводят игрища с русалками.

О том думал уже не отставной капитан, а мальчишка Иван, которого помаленьку охватывал, как бы пропитывал языческий страх.

Идя позади, он глядел вслед парнишкам. Те весело болтали, отмахивались от комаров, которых не брал и «Шипр», и старались не отставать от командира. Ребята ничего такого не чувствовали, это было ясно.

Усилием воли Ванька остановил черный поток мыслей. Дабы переключиться, он попробовал представить себя партизаном. Без карты и без компаса. Непонятно, куда идти! Вот тебе и туристическое ориентирование! Значит, только по мху на деревьях можно только определить, где север, а где юг? А что это там? Впереди среди деревьев что-то чернело.

Так и есть – землянка, поросшая мхом и черникой. Сергеич остановил отряд. Все столпились вокруг заваленного входа в землянку.

– Вот в таких землянках жили советские партизаны, – тоном экскурсовода сообщил военрук.

Он расчехлил пехотную лопатку, висевшую у него на правом боку.

– Предлагаю отрыть сверху небольшое отверстие и посветить фонариком. А там пойдем, есть ли смысл откапывать вход целиком. Ну, кто хочет отличиться?

Отличиться захотели все. И пришлось выбирать по считалке.

Вышел месяц из тумана,
Вынул ножик из кармана.
Буду резать, буду бить,
Всё равно тебе водить.

Палец считавшего уперся в Ивана.

– Так, Савушкин, тебе копать, – распорядился Сергеич.

– А я дальше считалку знаю! – выкрикнул тут пятиклассник Мишка Козлов.

– Вот как, Козлов? Ну что ж, если знаешь продолжение, считай дальше.

А за месяцем – луна.
Чёрт повесил колдуна.

А колдун висел, висел
И в помойку улетел.
А в помойке жил Борис.
Председатель дохлых крыс.
А его жена Лариса –
Замечательная крыса!
Он другую полюбил.
Взял топор и зарубил.
А жена не умерла,
Взяла деньги и ушла.
И оставила записку:
«Ты дурак, а я Лариса!»

То ли от усталости, то ли от нервного напряжения, но отряд одолел приступ хохота. Побросав вещмешки, ребята катались от смеха по траве до икоты, до слез. Взрослые знают: остановить такую вакханалию невозможно. Нужно ждать, пока смех выдохнется, пока дети обессилеют. Да что дети – сам военрук лил слезы от смеха. Ну и считалочка!

Но вот какая вышла штука: копать всё равно пришлось Ивану – палец снова выбрал его!

– Судьба и на печке найдет, Савушкин. Копай, боец. – И военрук протянул ему лопатку.

Иван нарочно оглянулся и развел руками:

– Так нет никакой печки, товарищ командир! Разве что в землянке посмотреть?..

– Посмотрите, посмотрите. И чем быстрее, тем лучше, нам еще топтать и топтать, и в хорошем темпе, чтобы засветло в монастырь попасть.

Ванька поплевал на ладони и начал копать. Земля была рыхлой, лопатой шуровать было легко. Вскоре проделанный лаз позволил заглянуть внутрь землянки.

– Алексей Сергеевич, в землянке кто-то есть! – вырвалось у Ивана. – Посветите фонариком!..

Не паутина бы, свисавшая плотной шторкой с деревянного потолка, так можно было бы подумать, что землянку партизаны покинули совсем недавно. А за паутиной открылась ужасная картина...

За столом, сколоченным из грубо обтесанных топором досок, позеленевших от времени, уронив голову на руки, сидел скелет в истлевшей форме красноармейца. В затылке сидевшего темнела дырочка. Видимо, убили выстрелом с близкого расстояния. На столе стояла гильза от 45-миллиметрового снаряда, сплюснутая сверху. Гильза, конечно, служила лампой-коптилкой. Время доедало железную печку в углу – от нее сохранился лишь ржавый осыпающийся остов.

– Савушкин! Опять фантазия разыгралась? Или фильмов про войну посмотрелся? – Военрук несколько раз поводит сверху фонариком. – Нет там никого и быть не может!

Иван снова заглянул в партизанскую землянку. И вправду никого. Он вздохнул. Он ведь считал информацию! Диафильм посмотрел.

– Савушкин, лаз закопать!

– Так точно!

– Я нанес на карту землянку, по приезде сообщу куда следует, – сказал военрук. – Двигаемся дальше, бойцы.

Еще несколько километров по лесной глухомани, и участникам марш-броска открылась заброшенная деревня со скорбным названием Горелово. Сельцо вполне соответствовало своему мрачному имени. Целых домов тут не обнаружилось. Одни лишь полуразрушенные остовы печей, торчавшие среди бурьяна, напоминали о счастливой довоенной жизни. Ребята примолкли.

Поискав глазами колодец и не найдя его, Сергеич дал команду двигаться дальше.

Колодца с водой не нашлось, зато полило с неба. Неожиданно солнце скрылось, заморосил мелкий холодный дождик. Как ни странно, он принес некоторое облегчение. Правда, вещмешки постепенно намокли, лямки резали плечи.

Бойцы выбились из сил. Темп замедлился. Сказывалась многочасовая усталость. Прекратилась болтовня юнармейцев, военрук и сам перестал шутить. Всем не терпелось поскорее добраться до монастыря, о котором столько рассказывалось, сбросить мокрую одежду и согреться у печки. Животы у всех подвело, однако есть хотелось не особенно. Зато всех мучила жажда. Вода во фляжках закончилась быстро, а свежую набрать было негде. Поэтому-то дождик был очень кстати – и ребята, и капитан слизывали с губ солоноватые

струйки дождя попеременно с потом.

«Загнал, загнал ребятишек, – волновался военрук, поглядывая на уставшие лица мальчишек. – А привал делать нельзя, я их просто потом не подниму. Скорее бы прийти!»

Мысленно он прочертил маршрут по карте. Монастырь должен быть где-то рядом, но где? А если он завел детей не туда?

И что делать в такой ситуации? Да еще под дождем? Закутываться в плащ-палатки – и на землю? А потом всех пацанов –

в лазарет? Нет, так не пойдет.

– Так, – сказал он громко, – бойцы, веселее, веселее, мы уже на подходе, мы рядом с монастырем.

Уставшие, измученные, мечтающие о воде, сухости и тепле мальчишки продвигались по тропе по инерции.

– Вот же он! – воскликнул кто-то впереди.

Черные стены монастыря неожиданно преградили дорогу.

– Ура! – не удержался Сергеич.

– Ура! – еле слышно, пересохшими глотками повторили за ним юнармейцы.

Высокие кирпичные стены, окружавшие монастырь, были частично разрушены, повсюду виднелись следы от пуль и осколков. И странно было видеть одиноко стоявшие въездные ворота, запертые кем-то на засов! По обе стороны от них зияли проломы.

Природа не терпит пустоты. Трудно сказать точно, сколь-

ко нужно лет, чтобы от развалин монастыря не осталось ни камешка, но за полвека растения бы точно управились. Подрастали кругом березки, раскидывали ветки рябины, а вездесущий орешник разрастался прямо на алтарной части храма, крышах трапезной и колокольни, покосившейся мельницы с почерневшим от времени водяным колесом. Большой пруд строгой прямоугольной формы контрастировал с полуразрушенными монастырскими строениями.

Здесь-то, среди этих стен, Ваня и увидел новое «кино».

В трапезной школьник замер и даже поднес руки к ушам – его как будто оглушили звуки. Почти так оно и было: звуковые фильмы прокручивались кадрами по старой кладке. Эпизоды прошлого листались, точно многотомное собрание сочинений с иллюстрациями. Мозг Ваньки-Черта «считывал информацию» со сводчатых расписных стен помещения.

Пока он, возбуждённый, смотрел «диафильм», измученные долгим переходом по лесным тропам и промокшие до костей ребята легли чуть не вповалку в монастырском подворье.

В трапезную заглянул военрук.

– А, Савушкин, вот ты где! Всё колдуешь! А ну-ка, дуй за дровами. Стемнеет сейчас. Бойцов надо накормить и спать уложить. Смотрю, ты самый бодрый.

– Алексей Сергеевич, здесь ночевать нельзя! – взмолился Иван. – Здесь что-то нехорошее может случиться, когда все заснут! Чую!

– Так, Савушкин, не корми соловья баснями. Здесь я решаю, кто и где будет ночевать. А ваши сказки и былины мы послушаем в следующий раз. Выполнять приказание!

– Есть выполнять приказание, товарищ военрук!

Схватив поржавелый топор, брошенный сколько-то лет тому назад у входа, и потемневшую от возраста корзину для хвороста, Ванька-Черт бросился исполнять приказ.

Слава богу, идти было недалеко: природа сама подошла к монастырю. Собирая хворост, выбирая ветки покрупнее, Иван мучительно соображал, как ему поступить. В голове стояла какофония звуков: страшные крики, стоны раненых, автоматные очереди, взрывы снарядов и гранат... Грохот боя доносился и сюда, к деревьям: сцены в монастырских стенах запечатлелись не только внутри, но и снаружи.

Много повидали, услышали и запомнили эти камни. Немецкая речь, крики «Хайль, Гитлер!», тархтение тяжелой техники. И даже запахи. До Ивана донесся вдруг запах солянки. А потом накатил гул работающих двигателей артиллерийских тягачей. Очевидно, в трапезной во время войны располагался немецкий штаб артиллерийского дивизиона.

– Ой! Что такое? – вырвалось у Ваньки.

Прямо у монастырской стены, там, где место было чуть пониже, скрытно был устроен небольшой огород с грядками. Несколько рядков картошки кто-то уже выкопал. Охапкой лежала морковная и свекольная ботва, листья репы. И четко отпечаталась на черной земле подошва немецкого сапо-

га. Очень большого размера! Иван нагнулся, чтобы получше разглядеть след.

Если бы кто с колокольни или монастырской стены увидел в эту минуту Ваньку, он бы подивился, насколько выделялась плешь-метка на затылке, открытая словно нарочно, как бы раздвинувшая шторками копну белокурых волос.

Какая-то тень со свистом, переходящим в рев, налетела сверху и покатилась по земле. Не видя еще этой тени, Ванька ощутил что-то, какой-то щелчок в мозгу, и отскочил. Тем самым спас себе жизнь.

В точности на то место, где он секундой ранее стоял и разглядывал отпечаток сапога, рухнул кусок монастырской стены – несколько сцепленных раствором оштукатуренных кирпичей.

Показалось что-то Ивану или увиделось на самом деле, сказать трудно. Как будто на колокольне кто-то затаился, кто-то, кто планирует Ваньку-Черта убить. Получается, в монастыре засел враг. Неужели живой фриц или полицай? Вот это номер! Сколько ж он тут прожил? Да быть не может! Война отшумела в сорок пятом году, а нынче на календаре шестьдесят третий! Минуту почти два десятка лет. И тут до сих пор обитает полицай? И он и посадил, значит, эту картошку, морковку и свеклу, а осенью навевается сюда и убирает с грядок урожай. Нет, не может такого быть. Здесь же на десятки километров вокруг нет жилых поселков. И даже охотники сюда не забредают: болотина. И зверь болота не

жалует. Разве что змеи, тритоны и лягушки не против такого микроклимата. Или полицай ест змей и лягушек?

И опять след огромного сапога притянул Ивана. Конечно, тут кто-то был! Вот сбитая шляпа оранжевого гриба-моховика. Расплющенная. Значит, сбил ногой, не заметив, и наступил. На мгновение Иван увидел крупный мужской силуэт в балахоне с капюшоном, направлявшийся в глубину темного леса. От страха мальчишка зажмурился. Когда открыл глаза, видение пропало.

«Надо Сергеичу доложить, что-то здесь нечисто! Как бы беды не случилось! – мелькнуло в голове у Ивана. – Хватит фантазировать! Хворосту достаточно. Пару-тройку крупных веток расколю топором на месте».

Он подхватил корзину с хворостом и двинулся к монастырскому подворью. По пути прихватил березку-сухостойку, поваленную когда-то порывом ветра.

– Долго ходишь за дровами, боец Савушкин! – заметил военрук. – Посмотри-ка, юноармейцы наши, кто помладше, скисли совсем. Холодно им, голодно, а мамкиной сиськи не предвидится в ближайшие сутки! – пошутил Сергеич.

– Алексей Сергеевич, здесь живет кто-то! Точно говорю, видел! Высоченный, в плаще с капюшоном, а ноги у него – лапищи сорок восьмого размера! Знаете, он убить меня хотел. Кирпичи сверху сбросил. Если б я не отошел, мне бы конец. Доказательство имею. Огород у него здесь! – И Ванька рассказал о своих находках подробнее.

– Хм, огород, картошка... И вправду странный субъект. Земли вокруг полно, сажай – не хочу, а он за тридевять земель огород организовал. Неспроста это! Надо в районном отделении милиции шепнуть кое-кому, пусть проверят. Что за граф Монте-Кристо здесь завелся и от людей прячется?.. Ну ладно, боец Савушкин, попробуй развести огонь в камине, а я юнармейцам команду дам сюда подойти. Всё же здесь теплее, чем в храме. Там-то ни одного стекла не уцелело, ветер так и гуляет по помещениям. Да и сыро. В трапезной тепло, сухо, стекла целы. Может, ты и прав: как будто тут кто-то живет!

Вскоре в камине, пристроенном к большой русской печи, всюду полыхал огонь. Из свода камина торчал крюк, очевидно, служивший для подвеса над огнем металлической посуды. Воздух в трапезной быстро прогревался.

«Надо бы и печь эту затопить, – подумал Ванька-Черт, – да все дрова на камин ухлопал!.. Пора и за водицей сбегать!»

Ванька сбегал на здешний пруд. Зачерпнув котелком воду, он поразился ее чистоте. Не чистоте даже – прозрачности. «Надо же, даже головастиков нету! – прошептал мальчишка. – Станный пруд какой-то! Как отфильтрованный. Будто искусственный. Надо бы дно проверить!»

Подвесив полный пятилитровый котелок за крюк над самым пламенем, Иван распаковал три брикета с сухим пайком, а попросту – прессованной гречневой кашей. Как заправский солдат, достал из ножен армейский штык-нож и

вскрыл одну за другой три банки с тушеной кониной.

– Вкуснотища-то какая! – Слизнув с ножа остатки желе и мясных волокон, он почувствовал себя очень голодным и очень расслабленным. Схлынуло наконец напряжение, владевшее им почти сутки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.